

Ominayashi

Знаки на дорогах миров

Ominayashi

Знаки на дорогах миров

«Автор»

2026

Ominayashi

Знаки на дорогах миров / Ominayashi — «Автор», 2026

«Знаки на дорогах миров» — сказочная повесть о связи, которая сильнее любых границ, разворачивающаяся между множеством миров, где тропы между реальностями можно открывать, закрывать и стирать. Мори, читательница знаков из тихого мира Тихая Гавань, находит на пороге лавки камешек с чужим символом — спиралью со стрелой. В мире Верхние Кордоны ходок Лиам обнаруживает, что кто-то запечатал все тропы между мирами. Их знаки — одинаковые, тёплые, тянущиеся друг к другу через миры. Серый, древний Ткач, стерший тысячи дорог и закрытый миров ради порядка, бросает между ними туман — последнюю преграду. Но Мори и Лиам идут не по тропам, а по знакам, и знаки невозможно закрыть, не закрыв сами миры. Повесть — о том, что порядок, лишённый тепла, — это пустота, а настоящая дорога прокладывается не по карте, а шагами навстречу тому, кто идёт к тебе.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Знаки на дорогах миров

Знаки на дорогах миров

Глава первая. В которой Мори находит первый знак, а Лиам теряет тропу

В одном мире — а миров, как известно любому, кто хоть раз заглядывал за край привычного, гораздо больше, чем мы привыкли полагать, — в одном мире, который назывался Тихая Гавань, жила девушка по имени Мори. Мир этот был устроен просто: небо в нём всегда цвета мокрого жемчуга, трава росла невысокая, но густая, как шерсть доброго пса, а деревья — те были почти все берёзы, только кора у них не белая, а нежно-серебристая, и листья шумели даже в полный штиль, словно перешёптывались о чём-то своём, древесном.

Мори работала в лавке знаков. Это не значит, что она делала вывески. Нет. Знаки в Тихой Гавани — это особая штука. Каждый житель мира носил при себе маленький символ — кто-то на кожаном шнурке, кто-то вышитый на манжете, — и этот символ менялся, когда человек что-то терял или находил. Не вещь терял, нет. Терял — себя. Находил — тоже себя, но другого. Знак был чем-то вроде компаса, только указывал не на север, а на то место внутри тебя, где ты сейчас находишься.

Мори умела читать чужие знаки и помогала людям понять, куда они движутся. Была в этом деле толк и честность, а больше ничего и не требовалось.

В тот день, с которого всё началось, шёл мелкий дождь — не такой, который мочит, а такой, который будто висит в воздухе, и ты дышишь им, и он пахнет мокрым камнем и далёким морем, хотя моря в Тихой Гавани не было. Мори закрывала лавку, когда заметила на пороге камешек. Обычный, серый, мокрый, но с одной стороны — выцарапанный знак. Не местный. Чужой. Мори повертела его в пальцах и почувствовала: камешек тёплый, словно кто-то недавно держал его в ладони. Знак на камне был похож на спираль, в которую вписана стрела.

— Это не из нашего мира, — сказала Мори вслух, хотя в лавке не было никого, кроме старого кота Тихона, который спал на прилавке и на всё имел своё мнение, но озвучивал его только когда его лично касалось.

Кот приоткрыл один глаз, посмотрел на камешек, фыркнул и отвернулся. Мори это истолковала как подтверждение.

Она положила камешек в карман фартука и заперла лавку. Дома, в маленькой комнате под крышей, где пахло сушёной мятой и старыми книгами, она разложила камешек на столе, зажгла свечу и стала смотреть.

Знак светился. Не сильно, неярким, мягким светом — как будто внутри камня жил крошечный светлячок, который проснулся от тепла её руки. Мори чувствовала, что камешек хочет чего-то. Не от неё — к чему-то. Куда-то. Тянулся, как тянутся растения к свету, поворачиваются за солнцем, только здесь солнцем был не шар на небе, а нечто иное. Кто-то иной.

Спираль со стрелой. Мори перебрала в уме все знаки, что знала. Такого не было ни в одном реестре Тихой Гавани. Но было в нём что-то до боли знакомое, словно она уже видела этот узор во сне — давнем, забытом, из тех, что остаются после себя только ощущение, будто ты почти вспомнил что-то важное.

Она заснула за столом, и камешек, как потом выяснилось, к утру прокатился по столешнице на два пальца к двери. К выходу. К дороге.

А в это же время, но в другом мире — мир назывался Верхние Кордоны, — шёл мужчина по имени Лиам. Верхние Кордоны были миром высоких холмов, заросших вереском, и небо там не висело над головой, как положено, а стояло стеной по краям горизонта, словно мир был комнатой, а небо — её стенами. Вереск цвёл лиловым и тёмно-медовым, и пчёлы в Верхних

Кордонах были размером с мизинец и не жужжали, а тихо пели, как будто вспоминали мелодии, которые слышали когда-то.

Лиам был ходоком. Так в Верхних Кордонах называли тех, кто умел находить тропы между мирами. Не маги, нет — скорее следопыты. Тропы между мирами не видны обычным глазом, но ходок чувствует их: как лёгкий сквозняк, как изменение запаха, как внезапное ощущение, что ты сделал шаг и не попал туда же, откуда оттолкнулся.

Лиам шёл по тропе, которая вчера была ровной и послушной, а сегодня — сегодня что-то случилось. Тропа обрывалась. Просто кончалась, как обрывается нитка, которую перерезали ножницами. Лиам остановился, потрогал воздух перед собой — и воздух был плотный, неподвижный, как застывший кисель. Тропа не просто исчезла — её кто-то закрыл. Залатал. Запечатал.

Он сел на землю, которая была тёплой и пахла нагретым вереском, и стал думать. Думал он обычно вслух, потому что считал: мысль, произнесённая тихо, становится точнее, как линия, проведённая твёрдой рукой.

— Кто-то не хочет, чтобы я шёл, — сказал Лиам.

Вереск вокруг него колыхнулся, хотя ветра не было. Пчёлы замолчали. Мир будто прислушался.

Лиам достал из-за пазухи плоский камень — свой знак, свой компас. На нём была вырезана спираль, в которую вписана стрела. Точно такой же, как на камешке, который Мори нашла на пороге своей лавки.

Только камень Лиамы был холодным. Был холодным уже третий день. А должен был быть тёплым — всегда, в любом мире, в любую погоду. Тёплый камень означал: тропы открыты, ходок на месте, путь дышит. Холодный — значит, что-то неладно.

— Знак пропал, — сказал Лиам и нахмурился. — Не мой. Тот, что я оставил. Кто-то убрал его.

Ходоки оставляли знаки в мирах, через которые проходили, — для других ходоков, для себя, для памяти. Это было нечто среднее между письмом и маяком: знак говорил «я был здесь» и «иди этим путём, он безопасен». Лиам оставил свой последний знак в мире, который назывался Перекрёстный Дождь, — мир бесконечных перекрёстков, где дождь шёл не сверху вниз, а справа налево, и зонт нужно было держать не над головой, а перед собой.

И вот теперь знак исчез. Кто-то снял его. Кто-то, кто знал, как это делается, — а знали это немногие, и все они были ходоками, и всех их Лиам знал поимённо.

Кроме одного.

Кроме тех, кто ходоками не был, но умел закрывать тропы и убирать знаки. Это была отдельная, скверная история, и Лиам не хотел в неё лезть. Но, видно, она сама лезла к нему.

Он встал, отряхнул вереск с колен и сказал тихо:

— Ладно. Тогда я пойду без тропы.

Это звучало просто, а на деле было всё равно что сказать «я поплыву без воды». Но Лиам был упрям, а упрямство в Верхних Кордонах ценилось выше мудрости, потому что мудрость у всех одинаковая, а упрямство у каждого своё.

Глава вторая. В которой появляются Ткачи и выясняется, что не все любят путников

Ткачи — так их называли, и название это было обманчиво, потому что ничего они не ткали. Ткачи закрывали тропы между мирами. Не все — избранные. Те, которые, по их мнению, вели в никуда или, что хуже, вели куда-то, куда Ткачи считали лишним идти. У Ткачей была своя карта миров, и на этой карте некоторые миры были помечены красной нитью — закрытые. Нить втыкалась в карту, как булавка в бабочку, и мир замирал, становился недоступным, тропы к нему зарастали, зараставшие — не мхом, а чем-то хуже: забвением. Люди

забывали, что туда можно пойти. Мир не исчезал, нет — он просто переставал быть местом, куда можно попасть. Как дом, в котором ты жил в детстве: он стоит, но ты не помнишь дороги к нему, и даже адрес стёрся из памяти, как мел с доски.

Ткачи были древние. Древнее ходоков, древнее знаков, древнее большинства миров. Говорили, что они появились, когда первые миры начали расходиться, как острова после потопа, и кто-то решил, что нужно держать их в строгости, чтобы не разбежались окончательно. Может, в начале это было даже благое намерение. Может, и нет. Со временем благие намерения тлеют, как солома, и под ними обнажается то, что было внизу, — голая земля, холодная и жёсткая.

Главным среди Ткачей был Серый. Так его называли, потому что имени его никто не помнил, а сам он его не называл. Серый был высоким, сухим, как осенний стебель, и лицо у него было такое, на которое трудно смотреть: не страшное, не злое, а пустое, как чистый лист, на котором ничего не написано, и от этого — страшнее любого злого лица, потому что зло хотя бы имеет форму, а пустота — нет.

Серый сидел в зале, который назывался Прихожая Миров. Прихожая была местом между мирами, не миром и не пустотой, а чем-то вроде коридора, только коридора бесконечного, со стенами из тумана и полом из чего-то, что было похоже на воду, но не мочило. Серый сидел за столом, и на столе лежала карта — огромная, на всю столешницу, и на ней красными нитями были пришпилены миры, которые Ткачи закрыли.

— Ещё один знак, — сказал Серый, и голос его был ровный, как поверхность воды в безветрие. Он держал в пальцах камешек со спиралью и стрелой. Камешек был тёплый, и Серый не любил тепло. Тепло означало жизнь, а жизнь означало движение, а движение означало тропы, а тропы означали, что кто-то идёт, а если кто-то идёт — значит, кто-то может прийти туда, куда не следует.

Рядом с Серым стояла Илка. Илка была Ткачихой — единственной, кто носил это имя с гордостью. Она была молода, моложе Серого на несколько столетий, и в ней ещё осталась капля того, что когда-то было живым любопытством, но давно превратилось в нечто иное — в жёсткое, холодное стремление знать, чтобы контролировать. Илка носила серое платье, и волосы у неё были тёмные, как мокрая кора, и она их заплетала в тугую косу, которая висела вдоль спины, как верёвка.

— Убрать? — спросила Илка, кивнув на камешек.

— Убери, — сказал Серый. — И найди тот, что в Тихой Гавани. И тот, что в Перекрёстном Дожде. Все. Это ходок Лиам. Он раскладывает свои знаки, как крошки, как дорожку в сказке. Пусть не раскладывает.

— А если он уже дошёл до кого-то? Если знак уже нашли?

Серый посмотрел на Илку. Взгляд у него был такой, словно он смотрел сквозь неё, как через стекло, и видел не её, а что-то за ней — что-то, что его беспокоило больше, чем она.

— Тогда найди того, кто нашёл. И закрой дорогу между ними.

Илка кивнула, взяла камешек и вышла. Вышла — это, впрочем, громко сказано: она просто шагнула в туман стены и исчезла, как шагают в дверь, только дверь была из ничего.

Серый остался один. Он смотрел на карту и думал, и думал он тоже без слов, в тишине, и в тишине этой было что-то отстоявшееся, как вода в заброшенном колодце.

Он боялся. Не Лиам — одного ходока бояться смешно. Он боялся знаков. Боялся того, что знаки — это не крошки и не дорожка в сказке. Что это нечто большее. Что если два знака найдут друг друга, то откроется троп, которую нельзя закрыть красной нитью. Троп, которая не между мирами, а сквозь них. Троп, который пройдёт через все карты, через все нитки и булавки, и ничто его не остановит.

Серый не знал, что это за тропа. Но чувствовал, что она есть. И что Лиам — и кто-то ещё, кто-то, кто нашёл его знак, — уже стали частью дороги, которая ведёт туда. В Туман.

Мир под названием Туман был на карте Серого. Был пришпилен красной нитью. Был закрыт. Был закрыт так давно, что даже Серой не помнил, зачем и кем. Но помнил, что закрыт намертво.

Туман был миром, где знаки обретают силу. Где они перестают быть символами и становятся чем-то иным — проводниками, ключами, дорогами. В Тумане два знака, которые нашли друг друга, открывали путь, которого не было на карте. Путь, который вёл не из мира в мир, а из человека в человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.